

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ФРЕЙМА «ЗАПРЕТ» В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТАХ¹

Паремии, отражающие коммуникативно-прагматический фрейм «запрет», занимают особое место в системе народных примет. Обращаясь к истокам возникновения табу, Дж. Фрэзер отмечает, что еще в древние времена во избежание опасности, угрожающей жизни, архаичными прорицателями был выработан свод правил поведения, распространившийся на каждого, кто желал прожить долгую жизнь [Фрэзер 2001: 352-353]. Запрещающие народные приметы (НП) служат своего рода «оберегом» в ключевых жизненных ситуациях и способствуют предотвращению нежелательных последствий. Статистический анализ имеющегося паремиологического материала позволил установить, что в системе прескриптивных категоричного типа приметы со значением запрета составляют 12 %, в то время как в немецких приметах доля запрещающих паремий составляет лишь 5 %.

Анализируя НП с точки зрения прохибитивной семантики, необходимо отметить, что их прогностическая сущность накладывает существенный отпечаток на особенностях функционирования исследуемых паремиологических текстов в речи. Это закономерным образом находит проявление в векторной направленности выражаемых иллокуций в будущее, регулируя действие, которое не совершается в момент речи². Отнесенность текстов НП к плану будущего является одной из характерных особенностей функционально-семантического структурирования паремий данного типа.

С точки зрения тектонической структуры прохибитивные высказывания можно подразделить на моно- и полиинтенциональные предложения, последние в свою очередь могут быть оформлены в виде аргументированных и неаргументированных высказываний. Наличие / отсутствие аргументов, объясняющих необходимость отказа от совершения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 12-14-16021а и 13-14-16502г «Волжские земли в истории и культуре России-2013», проекты «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития», Международная научно-практическая конференция «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития».

² Разграничение прохибитивов производилось на основе существующей классификации А.П. Володина и В.С. Храковского (см. [Храковский, Володин, 2002: 147-148]). См. также [Бирюлин, Храковский 1992: 35].

конкретного действия, является в определенном смысле «индикатором» степени категоричности запрета.

Как показывает анализ практического материала, в качестве прохибитивов могут выступать различные конструкции, эксплицитная форма которых детерминирована высокой / низкой степенью иллюкутивной силы запрета.

Наиболее высокую частотность употребления в русских текстах НП демонстрируют конструкции с использованием индикативной формы глагола в 3 л. мн. ч. и отрицания *не*. Ср. слоты *не работают, не выгоняют, не ездят, не рубят, не срезают, не копают, не рвут, не берут, не кормят, не водят*, объективирующие коммуникативно-прагматический фрейм (КПФ) «запрет»:

«На Вознесенье в поле *не работают*» [Даль: 668], «На Ильин день в поле *не работают*» [Даль: 655], «На Ильин день скота *не выгоняют* в поле» [Даль: 655], «На Казанскую добрые люди вдаль (в отъезд) *не ездят*» [Даль: 661], «На Предтечу *не рубят* капусты, *не срезают* мака, *не копают* картофеля, *не рвут* яблоков, *не берут* в руки косаря, топора, заступа» [Даль: 658], «В Рождественский сочельник *не кормят* кур, чтобы огородов не копали» [Даль: 665], «От Троицы до Успения хороводов *не водят*» [Даль: 669].

Указанные конструкции не всегда содержат аргументационную часть, что объясняется сниженной степенью категоричности данных высказываний, не требующей их дополнительного «смягчения» в условиях соблюдения принципа вежливости в речевом общении. Сложные, или полиинтенциональные, прохибитивные конструкции оформляются в виде сложноподчиненных предложений с придаточными цели, следствия и могут маркироваться союзами *чтоб(ы), а то*:

«Капусты в четверг не сядят, *чтоб* черви не поточили» [Даль: 673], «В Рождественский сочельник *не кормят* кур, *чтобы* огородов не копали» [Даль: 665], «О Святках гнутой работы не работают (обручей, полозьев и пр.), *а то* приплода скота не будет» [Даль: 665], «На Марию Магдалину в поле не работают – гроза убьет» [Даль: 655].

В качестве менее частотных средств экспликации иллюкутивной силы запрета в русских текстах НП выступают конструкции «*запрещается + инфинитив*», «*не должно + инфинитив*»:

«На Благовещенье *запрещается подметать* в доме и особенно *выбрасывать* мусор на огород или в поле: от этого разводятся сорняки» [Грушко: 19], «В сырую

погоду и в дождь *не должно сеять* ржи; как обмочило оглобли, так и поезжай домой» [Грушко: 288].

Ср. реализацию КС запрета в художественной литературе:

«Мама не была суеверной при жизни отца. А теперь узнала множество примет.

Она варила первое снесенное курицей яйцо. Если острая сторона оставалась пустой, *«не надо спешить с пахотой, – говорила мама. – Иначе урожай будет плохой»* (Ф. Алиева. Комок земли ветер не унесет).

В паремиологических текстах также возможно использование субстантивно-инфинитивных и адverbативно-инфинитивных конструкций, в которых «стержневой компонент» прохибитивно-семантической структуры эксплицируется благодаря лексемам *«грех»*, *«грешно»*, выражающим «морально-этическую квалификацию действия» [Виноградов, 1975: 66]:

«На Симона Зилота земля именинница: *грех пахать*» [Даль: 650], «В эту ночь (ночь под Вознесенье) *ловить соловьев большой грех* – кто поймает, тому во весь год ни в чем спорины (удачи) не будет» [Рыженков: 45], «Под Рождество *ткать грешно*; несчастье угодит в праздник» [Даль: 665].

По мнению В.В. Виноградова, «эти сочетания слов из категории состояния с формой инфинитива выражают модальные значения, близкие к тем, которые встречаются у чисто глагольных словосочетаний» [Виноградов, 1975: 66].

Более категоричными в плане прохибитивного содержания выступают запрещающие конструкции, содержащие императивные формы глагола, построенные по модели *«не + императив 2 л. ед.ч.»*:

«Гороха при северном ветре *не сей, сей* при южном» [Рыженков: 111], «На Федоры *не мети* из избы сора» [Грушко: 355], «До Николы *не сей* гречки, не стриги овечки» [Грушко: 205], «*Не сей* хлеб, когда днем виден месяц» [Грушко: 265].

Ср. употребление примет в функции запретов совместно с приметами-наказами в романе В.П. Астафьева «Последний поклон»:

« – ...Я вот гляжу: вертоголовой ты больно, все тебе игруньки, все хахоньки, а ты бы че и запоминал из нашева, из старова. *Под закат солнца, скажем, деньгами и хлебом никого не сужай – обеднеешь. После заката сор венником в избе не мети – разметешь богачество. При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились...* «Что же ты, дедушка, не брякал?!» – хотелось мне спросить, но дед невнятно уже

наставлял, чтоб я до утренней зари не глядел в окошко – «невесту красоту сглазишь...» (В.П. Астафьев. Последний поклон).

В приведенном выше фрагменте известного романа употребление НП сопровождается аргументирующим компонентом в целях усиления перлокутивного эффекта. Так, приметы, объективирующие КПФ «запрет» посредством слотов *никого, не сужай, не мети* и др., содержат также информацию о негативных последствиях несоблюдения данных правил: *обеднеешь, разметешь богатство, невесту красоту сглазишь*.

Наибольшей степенью категоричности обладают прохибитивные конструкции, репрезентированные в текстах НП сочетаниями *не / нельзя* и инфинитивной формы глагола:

«Навозу *не запахивать* в новолуние, а в последнюю четверть» [Даль: 671], «В светлый праздник огня в домах *не разводите* – будет головня в пшенице, или: не гасить с вечера» [Даль: 668], «Когда рожь цветет, *нельзя холстов белить*» [Даль: 672].

Согласно Е.А. Крашенниковой, в немецком языке инфинитив играет гораздо меньшую роль, чем в русском, «вместо него развилась система характерных для немецкого языка модальных глаголов, одночленных предложений, причастий и т.д.» [Крашенникова, 1953: 460]. Так, в немецких приметах эквивалентами прохибитивных конструкций «*не + инфинитив*», «*нельзя + инфинитив*» выступают сочетания «*Imperativ + kein + N₄*», «*man + Modalverb + (kein + N₄) / nicht + Infinitiv*». Ср. слоты *treibe keinen Handel*, *man soll nicht pflücken*, *man muss nicht Fische essen*, *man darf keine Wäsche waschen*, *man mag keine Gerste loben*:

«*Treibe keinen Handel* bei einer Mondfinsternis, sonst suchen dich Unglück und Misserfolg heim» [Au: 73], «*Gewürz- und Heilkräuter soll man nicht* bei nassem Wetter *pflücken*, vor allem dann nicht, wenn man sie nicht sofort verbraucht» [Au: 249], «*Man muss nicht Fische essen* in Monden ohne dem „R“» [Binder: 17], «Zwischen Weihnachten und dem 6. Januar *darf man keine Wäsche waschen* und *sie schon gar nicht* nachts im Freien *aufhängen*, denn sonst fährt sie die wilde Jagd hinein» [Müller-Kaspar: 181], «Vor Johannistag *keine Gerste man loben mag*» [Kostenzer: 31].

Приведенные выше примеры ярко демонстрирует широко развитую систему модальных глаголов в немецком языке (*sollen, müssen, dürfen, mögen* и т.д.), активно используемых в обобщенно-личных конструкциях с неопределенным местоимением *man*.

Ср. языковые способы объективации фрейма «запрет» (*es darf nicht gehen*) в произведении Г. Келлера «Люди Сельвилы»:

„Es sei! sagte Herr Pineiß mit anscheinender Gutmütigkeit, bis zum nächsten Vollmond sollst du alsdann deines angenehmen Zustandes erfreuen dürfen, aber nicht länger! Denn in den abnehmenden Mond hinein darf es nicht gehen, weil dieser einen verminderten Einfluß auf mein wohlerworbenes Eigentum ausüben würde.“

Das Kätzchen beeilte sich zuzuschlagen und unterzeichnete einen Vertrag, welchen der Hexenmeister im Vorrat bei sich führte, mit seiner scharfen Handschrift, welche sein letztes Besitztum und Zeichen besserer Tage war (G. Keller. Die Leute von Seldwyla).

Исследуя побудительную модальность в немецком языке, Е.А. Крашеникова подробно анализирует средства выражения основных побудительных значений в немецких предложениях, сопоставляя полученные результаты с имеющимися данными на материале русского языка. В частности, рассматривая модальные оттенки глаголов, выражающих приказание, автор отмечает: «Глагол dürfen с отрицанием выражает наиболее твердое запрещение. ... Другие формы запрещения, например nicht sollen ... более мягки по тону и не так категоричны» [Крашеникова 1953: 463]. К формам со сниженной степенью категоричности можно также отнести конструкцию «*man muss nicht*», эксплицирующую деонтическую ситуацию запрещения, основанную на внутреннем убеждении прескриптора, и конструкцию «*man mag + kein + N₄*», реализующую значение невозможности в силу сложившихся обстоятельств.

Характеризуя коррелирование значений побудительной модальности немецких глаголов с категорией темпоральности, Е.А. Крашеникова отмечает, что «связь модальных побудительных значений и значений будущего времени у модальных глаголов ... коренится в свойственной им грамматической многозначности»³ [Крашеникова 1953: 463]. Исследователь поясняет, что, с одной стороны, модальность имеет проекции на будущее время, с другой стороны, ожидаемое в будущем «всегда желательно или нежелательно, возможно или невозможно, необходимо или не необходимо, т.е. связано с модальностью»⁴ [Крашеникова 1953: 463]. Согласно А.В. Бондарко, «повелительное наклонение, выражая побуждение

³ См. также [Гулыга, Шендельс 1969: 93].

⁴ Поскольку общепризнанным является факт отсутствия категории грамматического времени у повелительного наклонения, в данном случае уместно говорить не о будущем времени в отношении побудительных высказываний, а о темпоральности будущего.

к действию, суживает временную перспективу, сводит ее (в прямом употреблении) к темпоральности будущего» [Бондарко, Буланин 1967: 134]. Таким образом, в подтверждение высказанной еще В.В. Виноградовым мысли о наличии модальных оттенков у форм времени [Виноградов 1975: 63] необходимо отметить, что связь между деонтической модальностью и темпоральностью будущего имеет двусторонний характер.

В нередких случаях тексты НП помимо модального квалификатора *нельзя* содержат интенсификаторы прохибитивной семантики, квалифицирующие запрещающие высказывания как наиболее категоричные. Речь идет об экспликаторах *никому, ничего, ни в коем случае, ни под каким видом* и т.д., акцентирующих внимание на недопустимости совершения действия вне зависимости от складывающихся обстоятельств, повышая тем самым «процент вероятности» соблюдения данной предскрипции:

«Когда овца оягнится, *нельзя никому ничего* из дому давать» [Грушко: 220], «При высаживании капустной рассады *ни в коем случае* *нельзя* смеяться, потому что капустные листья станут морщинистыми и не будут гладкими» [Грушко: 130], «Телят *ни под каким видом* *нельзя* бить лучиной, отщепленной от полена; бить теленка можно палкой, веревкой и т.п., но не лучиной: теленок будет от этого худеть и в рост не пойдет» [Грушко: 337-338].

Аналогичные интенсификаторы прохибитивной семантики встречаются в немецких паремиологических текстах:

«In den zwölf Nächten sollten Sie *auf keinen Fall* kochen» [Müller-Kaspar: 32], «Geburtstage sollte man *keinesfalls* im Vorhinein feiern» [Müller-Kaspar: 44], «Einem Sterbenden sollte man *niemals* ein Kissen geben, das mit Hühnerfedern gefüllt ist. Er kann sonst nicht im Frieden sterben» [Müller-Kaspar: 123].

Паремиологические конструкции с инфинитивной либо императивной формой выражения прохибитивной семантики как наиболее «сильные» высказывания по степени иллюкутивной силы и оказываемому воздействию на реципиента представлены, как правило, аргументированными полиинтенциональными РА, содержащими союзные скрепы *потому что / denn; так как, ибо / da, weil; чтоб(ы) / um zu; а то, не то, иначе / sonst*, выражающими причинные, целевые и противительно-условные отношения.

Из перечисленных выше союзных образований лишь союзы *потому что*⁵ и *так как* участвуют в образовании сложных предложений гибкой структуры. Обращает на себя внимание факт постпозитивного положения причинного звена относительно следственного в паремиологических текстах: «Его постпозиция создает своеобразную «обратную перспективу», меняя естественный порядок следования событий, когда причина предшествует следствию, на обратный порядок следования предикативных звеньев» [Черемисина, Колосова, 1987: 68-69]. Например, в русском языке: «Нельзя спать во время Пасхальной всенощной, *потому что* Бог не даст доли: будет нанесен ущерб хозяйству, скоту, урожаю, полягут хлеба, лен, все посева, травы на покосах» [Грушко: 244], «В день посева гороха нельзя его есть, *так как* он будет от того червив» [Грушко: 59], «Нельзя вырезать удочку из дерева, вершина которого наклонена на полдень, *так как* рыба будет срываться с крючка такой удочки» [Грушко: 295] и т.д.

В немецком языке:

«Man darf die Spiegel nicht verschenken, *denn* das bringt Streit» [Müller-Kaspar: 44], «Das Herdefeuer darf man niemals mit dem Holz der Alpenrose anzünden, *denn* sonst verbrennt alles im Haus» [Müller-Kaspar: 66].

Причинные предложения с союзами *ибо*, *a to*, *ne to* также выражают причинное обоснование, однако в отличие от союзов *потому что*, *так как* «не участвуют в обозначении непосредственно обуславливающего явления» [ГСРЛЯ 1970: 713]. В наиболее общем и недифференцированном виде это значение выражается союзом *ибо* (ГСРЛЯ, там же). Как отмечает М.В. Ляпон, «функциональный профиль *ибо* определяется его преимущественным использованием в рамках построений, первая часть которых не имеет однозначной истинностной ценности: она фиксирует мнение говорящего и в этом смысле занимает позицию искомого, которое нуждается в развернутой аргументации; при этом часть, вводимая *ибо* обычно имеет значение довода» [Ляпон, 1986: 180]. Например: «Из дому воску выносить не должно, *ибо* это приносит убыль пчеловодству» [Грушко: 48].

Маркером целевых отношений в текстах НП служит союз *чтоб(ы)*, присоединяющий аргументирующую часть предложения, эксплицирующую целевое значение прохибитива и объясняющую основные мотивы запрета. Акцент делается на получении нежелательного для реципиента результата, исходя из негативного опыта продуцента сообщения:

⁵ В научной литературе указывается редкость употребления союза *потому что* при препозиции придаточной части. Отмечается закрепленность за ним функции «выразителя отношений мотивации в их наиболее общем виде» [ГСРЛЯ 1970: 713].

«На Акулину не работать, *чтоб* гречи хороши были» [Даль: 652], «О появлении теленка нельзя сообщать до трех дней, *чтобы* не сглазили» [Грушко: 337] и т.д.

Конструкции, содержащие союзные скрепы *a to, ne to, иначе* в работе В.А. Белошапковой получили название «предложений альтернативной мотивации «от противного»⁶ [Белошапкова 1970:14], прочно закрепившееся в научной литературе (см., например, Грамматику современного русского литературного языка 1970, работы М.В. Ляпон, 1986, Т.А. Колосовой, 1980 и др.). «Обязательную черту предложений мотивации «от противного» составляет гипотетическая модальность второй части, называющей предполагаемое явление, осуществление которого возникает как следствие неосуществления явления, названного в первой части. Явления, называемые в первой и второй частях сложного предложения мотивации «от противного», соотносятся во времени как предшествующее и последующее» [Белошапкова 1970: 15]. По мнению автора, указанные особенности структуры предложений мотивации «от противного» и определяют возможные комбинации модальных и временных планов их частей. Как отмечает М.В. Ляпон, «отношения альтернативной мотивации формируются при участии прагматического фактора; ситуация, вводимая союзом, оценивается, как правило, негативно, как нежелательное следствие, в предотвращении которого заинтересован говорящий и (или) адресат» [Ляпон 1986: 79]:

«На Фрола и Лавра не работать, *a to* падеж будет» [Даль: 657], «Нельзя родственникам продавать скот, *ne to* весь переведется» [Грушко: 314], «Не бери на Юрия шерсть в руки, *ne to* волк скотину перережет» [Грушко: 55], «С пасеки маток и пчел давать нельзя, *иначе* рой не будет садиться, улетит с пасеки» [Грушко: 277].

Непосредственным квалификатором каузальности, эксплицирующим альтернативную мотивацию «от противного», в немецких НП выступает союз *sonst*:

«Nach dem Essen, besonders über Nacht, darf übrigens nichts auf dem Tisch liegen bleiben – *sonst* kann das jüngste Kind in der Familie nicht schlafen» [Müller-Kaspar: 37], «Das Messer darf man nach dem Anschnitt nicht auf das Brot legen oder gar im Brot stecken lassen, *sonst* wird man nicht satt oder bekommt Zahnweh oder provoziert sonst ein Unglück, und die armen Seelen müssen

⁶ Е.А. Филатова предлагает назвать их «предложениями со смысловыми отношениями порождающего контраста» [Филатова, 2001].

weinen» [Müller-Kaspar: 30], «Hopfen darf nicht geschnitten werden, während der Mond im Tierkreiszeichen Krebs steht, *sonst* wächst er nicht weiter» [Müller-Kaspar: 71].

Таким образом, аргументированные РА запрета подобного типа представляют собой имплицитные конструкции с невербализованным модусным компонентом, содержащим фрагмент деонтической ситуации. Некоторую сложность в «прочтении» такой приметы и правильном ее интерпретировании может представлять процесс выявления имплицитированной информации. Т.А. Колосова указывает, что «имплицитные конструкции выявляются лишь при сравнении с семантически тождественными эксплицитными построениями, т.е. такими, в которых все звенья логико-семантической цепи высказывания нашли выражение с помощью формальных средств языка» [Колосова 1983: 4]

Невербализованные звенья в логико-смысловом ряду причинно-следственных отношений паремий поддаются восстановлению благодаря включению противоположной пропозиции в общую смысловую структуру приметы, контрастирующей с эксплицитированной пропозицией:

«На Фрола и Лавра не работать [потому что, если в этот день будут производиться работы], падеж будет»;

«О Святках гнутой работы не работают [потому что, если в Святки выполнять тяжелую работу], приплода скота не будет».

Высказывания альтернативной мотивации подобного типа Т.А. Колосова справедливо относит к предложениям с асимметричной структурой, поскольку «эти построения в плане выражения являются двухкомпонентными, а в плане содержания – трехкомпонентными (трехсобытийными), т.е. в них наблюдается отношение 2:3» [Колосова 1980: 103].

Анализ полиинтенциональных прохибитивных конструкций альтернативной мотивации показал, что первая часть указанных аргументационных текстов выражает запрет косвенным образом, либо напрямую, а вторая, аргументирующая, часть эксплицитирует гипотетическую ситуацию неблагоприятного исхода в случае несоблюдения данного «жизненного правила».

Сценарий убеждения в рамках коммуникативно-прагматического фрейма «запрещение» при условии отсутствия коммуникативных неудач можно представить в общем виде следующим образом:

1. А убежден в том, что для В определенное действие С нежелательно.
2. А не хочет, чтобы В совершил С.
3. А сообщает В: «Не делай С, а то D».
4. В принимает сообщение А и осмысливает его, «примежая» к индивидуальной ситуации.

5. В не совершает С.

Среди неаргументированных РА, выражающих прохибитивное значение, в НП встречаются высказывания с градационными отношениями, отражающими направления градации «от меньшего к большему» и, наоборот, «от большего к меньшему». Экспликация градационных отношений происходит в паремиологических текстах благодаря двухместному союзу *не только ... но (и)*, воспроизводящему в отвлеченном виде логическую схему «ни-ни» (термины М.В. Ляпон). Усиливающее действие градации достигается в большинстве случаев благодаря релятиву *даже*:

«В то время, когда высаживают капустную рассаду, нельзя смотреть *не только* на ржаное поле, *но даже и* стоять к нему лицом» [Грушко: 130], «В пятницу *не только* нельзя пряхсть, *но даже* иметь в доме конопель, а шить можно» [Грушко: 242].

Как показал анализ практического материала, деонтические ситуации запрета наряду со множеством других частных прагматических значений побудительной модальности, актуализирующихся в ткани текстов НП, характеризуются антропоцентрической направленностью и носят бенефактивный характер. Средства выражения исследуемых деонтических ситуаций охватывают все уровни языка, находя отражение как в лексических, так и в грамматических способах оформления прохибитивной семантики, преломляясь под определенным углом «прагматического видения» той или иной речевой ситуации прескриптором.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белошапкина В.А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке / В.А. Белошапкина // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 13-29.
2. Бирюлин Л.А. Повелительные предложения: проблемы теории / Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский // Типология императивных конструкций. – СПб.: Наука, СПб-ское отделение, 1992а. – С. 5-50.
3. Бондарко А.В. Русский глагол / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. – Л.: Просвещение, Ленингр. отделение, 1967. – 192 с.
4. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
5. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
6. Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – 164.
7. Колосова Т.А. О сигналах неразвернутости некоторых имплицитных сложных предложений / Т.А. Колосова // Синтаксис

предложения: Сб. науч. тр. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1983. – С. 3-11.

8. Крашенникова Е.А. Побудительная модальность в немецком языке / Е.А. Крашенникова // Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1953. – Т. XII, вып. 5. – М.: Изд-во АН СССР. – С. 457-469.

9. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 200 с.

10. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

11. Филатова Е.А. Семантические и конструктивные возможности лексемы «а то» // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти В.А. Белошапковой. – М.: Индрик, 2001. – 328 с. – С. 167-175.

12. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / Дж. Фрэзер. – Т.1. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001. – 528 с.

13. Храковский В.С. Семантика и типология императива: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

14. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. – М.: Наука, 1987. – 198 с.

ИСТОЧНИКИ:

15. Грушко Е.А. Энциклопедия русских примет / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.

16. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Астрель, 2001. – 752 с.

17. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г.Д. Рыженков. – М.: Современник, 1992. – 127 с.

18. Au F.v. Bauernregeln und Naturweisheiten / F.v. Au. – München: Cormoran, 1997. – 253 S.

19. Bauern- und Wetterregeln / E. Binder. – 2. Auflage. – Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer, 2003. – 191 S.

20. Kostenzer H. Alte Bauernregeln / H. u. O. Kostenzer. – Rosenheim: Rosenheimer Verlagshaus, 2003. – 143 S.

21. Müller-Kaspar U. Katzen, Kröten, Schornsteinfeger. Das kleine Handbuch des Aberglaubens / U. Müller-Kaspar. – Ulm: Bastei Lübbe, 2001. – 192 S.

22. Алиева Ф. Комок земли ветер не унесет. Роман / Ф. Алиева. – М.: «Молодая гвардия», 1967. – 368 с.

23. Keller G. Die Leute von Seldwyla / G. Keller. – Bd.1. – Basel: Stroemfeld, 2000. – 657 S.